

18+ Алексей Аимин

ВДОХНОВЕНИЕ

Откровения бывшего поэта

Алексей Аимин

ВДОХНОВЕНИЕ.
Откровения бывшего поэта

«Издательские решения»

Аимин А.

ВДОХНОВЕНИЕ. Откровения бывшего поэта / А. Аимин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514269-6

Книга-эссе о творческом развитии личности. Основана на жизни и творчестве великих поэтов и личных наблюдениях автора. Путь от дворового стихоплета до известного поэта у него составил 20 лет. По мнению автора, это и есть временной предел раскрытия таланта в жанре поэзии. Потом наступает кризис. Как избежать его? Можно ли развить свой талант? Где лучше ловить вдохновение? Книга-размышление на эти темы возникла из эссе с тем же названием, имевшим многочисленные отклики в социальных сетях.

ISBN 978-5-00-514269-6

© Аимин А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ВДОХНОВЕНИЕ	8
Нулевой километр	10
Путь к пьедесталу	14
Фальстарт	19
То что вижу...	21
Чувства извне	28
Неудачные поиски	30
Азы творчества	35
Соревнование	39
Вхождение в образ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

ВДОХНОВЕНИЕ

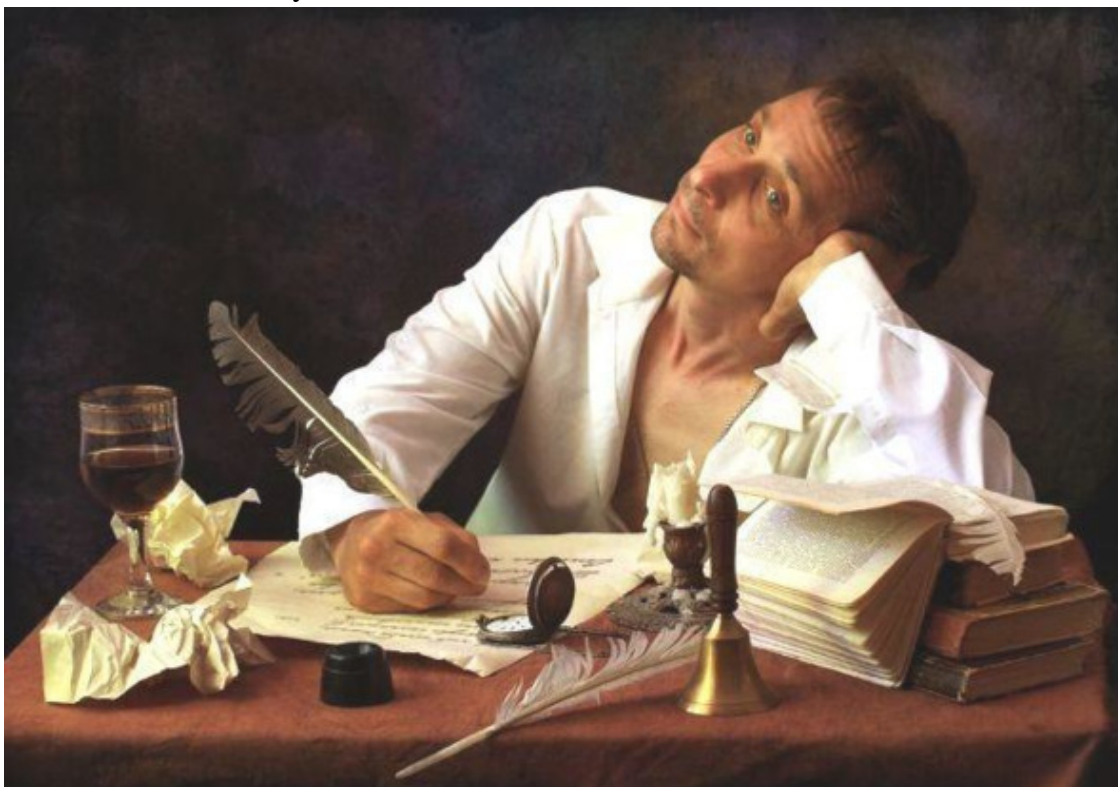
Откровения бывшего поэта

Алексей Аимин

© Алексей Аимин, 2020

ISBN 978-5-0051-4269-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пить вино и любить должен каждый поэт.

А иначе не выпустить душу на свет.

Не достичь высоты гениальных творений,

даже жить если будешь ты тысячу лет!

Омар Хайям – авторское прочтение

От автора

*Подписывать свои произведения «МЫ» имеют право только монархи и авторы больные солитером.
Памятка в редакции*

Будучи в меру наглым и общительным, предпочитал в свою компанию с подписью МЫ включать *талант и вдохновение*.

Сначала коротенькая справка:

Талант – это способности от рождения помноженные на мастерство.

В античные времена оценивалось весовой единицей серебра примерно в 25 кг. Если художнику, скульптору или литератору платили такие деньги – он признавался талантом. Например, Геродоту за его «Историю» заплатили 10 талантов и это уже тянуло на более высокое звание гения.

Вдохновение – состояние творческого подъема поступающее извне благодаря нескольким факторам. По сравнению со стабильным талантом эта инстанция более эфемерна и весовых характеристик не имеет. Потому летает себе неизвестно где и поймать ее – дело случая:

*Вдохновенье изредка приходит,
Ждешь, не ждешь, – приходит невзначай.
Интересно, где оно там бродит,
Сколько раз уж приглашал его на чай.*

*Чай хороший, я на нем не экономлю,
Сам, к примеру, с удовольствием я пью,
Но чтоб заходило, не припомню,
В тот момент, когда я заварю.*

*Вот когда допью, тогда приходит,
– Посиди, – ему я говорю.
А оно посмотрит и уходит,
Не дождавшись, когда снова заварю.*

Это видение процесса его посещения возникло у меня в зрелом возрасте – уже за 30, когда Музы стали облетать стороной. Они ведь слишком умных и занудных не любят. К этому времени у меня юношеские мечты уже растворились.

Мой поэтический путь от любителя до профессионального автора уместился в два десятилетия. Пока не почувствовал, что лучше уже не напишу. И тогда сменил амплуа. Как оказалось, что очень вовремя. Правда, это понял позже, когда перешел в очередной свой жанр – литературоведение.

Разбирая свершения предшественников заметил, что поэты больше всего востребованы в годы реформ и революций. Пушкин и Лермонтов, Есенин и Маяковский, Владимир Высоцкий стали символами своих эпох.

Все они начинали писать в юные годы и активное стихотворчество у всех уложилось тоже в два десятилетия. И потом почему-то все заканчивалось, часто трагически.

Это наводит на грустные размышления и возникают определенные выводы.

Поэты и писатели очень боятся этого слова – *истисался*.

То, что такой момент наступает у каждого – сужу по себе. Но для тех кто еще молод, азартен, спешит и не может остановиться – это наиболее опасно. Огромная психологическая травма, особенно для талантливых и гениальных творцов ближе к сорока.

Примеров этому – хоть отбавляй. Они либо уходят в себя и спиваются, либо становятся фаталистами и играют с судьбой.

Поэтому практически все смерти известных поэтов можно подвести под одно определение — *суицид*.

Шекспир, пережив опасный возраст, прокомментировал свое известное произведение:

«Молодости свойственно грешить поспешностью.»

Кто-то цинично пошутил -; тот кто слишком торопился оказывается первым на кладбище. Хотя это данность от которой никуда не деться, но все же грустно.

У каждого своя жизнь, своя стезя, свой отрезок всплеска вдохновения. Эта книга – творческая автобиография с историческими отступлениями и психологическими оценками поступков. Думаю, тем, кто не прочь сотворить что-то стоящее, мой опыт придется «ко двору».

Постараюсь ненавязчиво.

ВДОХНОВЕНИЕ

*Следуй за своим вдохновением, и Вселенная откроет тебе двери там, где раньше были стены.
Джозеф Кэмпбелл*

Тема вдохновения наиболее актуальна в писательской среде, особенно у поэтов.

Они часто пускаются в пространственные рассуждения по этому поводу. Особенно в период творческого застоя или загула, сваливают все на отсутствие **Вдохновения**.

На мои вопросы о контактах с этой субстанцией конкретных ответов от собратьев по перу я так и не получил. По-видимому тема насколько актуальна, настолько и интимна.

Выяснил только то, что молодые творцы предпочитают видеть **Вдохновение** в виде прекрасной и зажигающей музыки Эрато и то, что вдохновение приходит (прилетает) откуда-то извне. Решил подойти к вопросу с другой стороны – появляющейся тяге к писанине.

Однажды попался на глаза стих Леонида Филатова на тему чрезмерной разговорчивости:

*Человек начинал говорить!..
И, не в силах бороться с искусом,
Обнаружил великую пруть
Во владении этим искусством.
Он придумывал тысячу тем,
Упиваясь минутным реваншем.
Говори-и-ть! – А о чем и зачем —
Человеку казалось не важным.*

Писать человек начал значительно позже, чем говорить. До изобретения бумаги люди писали на камнях, глиняных и деревянных табличках, бересте. Поначалу это были короткие записи: заклинания, долговые расписки, календари, рецепты.

Еще в древние времена уже было замечено: тех, кто умел хорошо говорить, быстро забывали; чаще помнили о тех, кто даже плохо писал. Возможно тогда и появилась эта мания: заявить о себе и оставить след на камнях истории, так сказать- пометить территорию.

С отголосками той мании мы сталкиваемся и сейчас читая на стенах, скамейках и заборах:

«Здесь был Вася» и «Вова + Света = любовь».

Но обычно эти каракули долго не живут – до очередного ремонта подъезда или сноса дома. Хотя не все надписи в пещерах каменного века расшифрованы и там несомненно могут быть древние шедевры...

Возможно это первые стихи

В школе всем нам втолковывали: чтобы оставить на земле свой след и запомниться на века, надо создать что-то более значимое, чем надпись на заборе, например, шедевр. На тему, как создавать гениальные творения, сказано много.

Сам я так думаю:

От замысла до шедевра, будь то поэт, писатель, художник или музыкант, надо преодолеть три ступени – талант, мастерство и вдохновение.

Если эту формулу разобрать на слагаемые, то первое в нас заложено генетически, второе зарабатывается упорным трудом, ну а третье – это уж как получится.

Нулевой километр

Все в нашей жизни начинается с маленькой буквы и нулевого километра. В принципе это уравнивает возможности всех и поэтов и художников. Однако стоит оговориться: *с каждым годом число тех кого предстоит догнать и обогнать – становится все больше и больше.*

Правда, как говорили знаменитые полководцы – *мечта* не только определяет цель, но и «заряжает». Особенно по молодости. Большая часть поэтов взяла в руки перо именно в юные годы. Происходит это с появлением первых сильных чувств – любовь, ревность, обида. Возникает мечта завоевать сердце любимой – выделившись из серой массы поклонников зарифмованными любовными посланиями.

У меня юной любви не было – детской хватило. Меня к первым шагам в поэзии подтолкнули общительность и дружба, где в чести были веселый «треп» и словоблудие.

Мой настоящий старт в поэзии состоялся ближе к сорока. Правда, я не первый «проснулся» с таким опозданием. На вскидку: пророк Заратустра и Омар Хайям начали за 30. Один писал гимны Богу, другой доносил до людей житейскую мудрость.

Библейский царь Соломон стал писать для самовозбуждения ближе к сорока, когда любовные утехы во дворце ему приелись. Тогда, когда ласки тысячи (на выбор) наложниц, он променял на любовь к сельской девушке и посвятил ей свою «Песнь песней» 30 веков назад.

Посмотрел и современных авторов – и там тоже есть такие, правда, больше прозаиков. А среди поэтов – Арсений Тарковский выпустил первый сборник стихов в 64 года – я же в 44.

Понял. Причинами для начала стихотворчества первая любовь вовсе не обязательна. Ричард Львиное Сердце, например, начал писать стихи сидя в темнице от одиночества. Эльдар Рязанов от тоски по прошлой жизни.

Так что кроме обычных общечеловеческих эмоций на начальный этап влияет и социальная среда – политика, религия, мода – тот виток человеческой цивилизации того момента когда поэт начинал.

**«Плох тот солдат, который не
мечтает стать генералом!»**

А.В.Суворов

**У каждого солдата в ранце
лежит маршальский жезл.**

Наполеон

Вперед – к победам над собой!

Из истории литературы

На развитие поэтического жанра влияли и внешние факторы. Гимны богам и любовные послания переросли в жанр эпической поэзии. Одним из ее зачинателем был Гомер. Повествование о далеких странах и значимых событиях потрясали и возбуждали слушателей. Их исполняли под музыку нараспев. Потом появились первые чтецы. Античная поэзия дала толчок в развитии театральных представлений – комедий и трагедий.

Следующим значимым шагом стала средневековая поэзия, где все явственней к лирическим мотивам прибавился социальный подтекст. С появлением бродячих театров и первых университетов вышли на свет трубадуры и ваганты:

*Будет ныне учрежден
Наш союз вагантов
Для людей любых племен,
Званий и талантов.
Все – храбрец ты или трус,
олюх или гений —
принимаются в союз
без ограничений.*

Постепенно поэты из народа стали проводниками чаяний простолюдинов и трибунами побуждавшими к борьбе. Это они стали главными возбудителями духа первых революций Европы:

*Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!*

XX век оказался страшным по количеству войн, революций и социальных потрясений. Особенно это сказалось на России. Уже в начале века светское общество перешло в колхозно-пролетарское а потом в советское.

Я так думаю:

*Революции всегда все переворачивают верх дном
и выплескивают с него осадок.*

Поэзия тоже пережила мутный период, когда поэты разделились на старых и новых. В основном по классовому принципу. Поэты «серебряного века» пытались задержать романтическую и культурные ценности прошлого:

Сознание того, что чудесное было рядом с нами, приходит слишком поздно.

А. А. Блок

*Легки оковы бытия...
Так, не томясь и не скучая,
Всю жизнь свою провёл бы я
За Пушкиным и чашкой чая.*

Георгий Иванов

Но время уже было не остановить. Всеобщая грамотность и безграмотность тоже внесли коррективы и поэтов стало – не счесть. Это была вторая волна графомании после первой дворянской – пролетарская. Стали писать просто и понятно, особо не гоняясь за рифмой:

Соблюдай чистоту рук – уничтожай мух!

В заводских газетах поэты от станка клеймили буржуазные замашки:

*До чего ж была славная парочка!
Он был парень рабочий простой,
А она была пролетарочка,
Всех пленяла своей красотой.*

*Но расставили им буржуазные
Сети нэпманы и торгаши.
И девчоночка безотказная
Изломала рабочую жизнь.*

Пролетарские поэты вдохновлялись мировой революцией, темой классовой борьбы и бессмертия вождей. Личная жизнь стала аппендиксом общественной жизни.

Обилие новых тем рождало изобилие поэтов. Революция, война, работа, изредка природа и только потом любовь, семья, материнство.

Новые поэты все больше подходили под известные нам строчки посвященные бюрократам:

*Мы не пашем, не сеем, не строим.
Мы гордимся общественным строим.
Мы бумажные, важные люди...*

Советские поэты стали штатной номенклатурной единицей. Каноны им были установлены. Так что давай – загоняй туда свое *вдохновение* и *талант*.

На самом деле поэты у кого основными источниками *Вдохновения* были вера, любовь и надежда (мечта) продолжали творить и менялась лишь атрибутика.

Например, стюардессы стали Музами, а проводницы в поездах Валькириями. А вместе с ними менялась и скорость жизни и мода в творчестве.

После золотого века поэтов классиков творческую стезю уже изъездили вдоль и поперек. И что же – приехали?

Неужели современные поэты в тупике?

Неужто все места в этом виде творчества давно распределены и заняты?

Эти вопросы по прежнему остаются без ответа...

Путь к пьедесталу

Мечты забраться на пьедестал у большинства постепенно тают... Но не у всех.

Юношеский эгоизм начальной стадии творчества – влюбленность в свои творения возрастное заболевание и отмечено в японской поговорке:

Чем меньше умения – тем больше самомнения.

Чаще всего со временем оно проходит как прыщавость. Иногда профилактику проводят пародисты. Но вряд ли эта толпа доморожденных гениев исчезнет – потребность к самовыражению и уверенность в своей исключительной гениальности неистребима. Иной раз это переходит в хроническую форму и мне приходилось встречать графоманов пенсионного возраста.

Беспокойные сны графомана

В наше время деньги, конечно, могут нанести позолоту, но она быстро стирается. Знал в своей жизни поэтов скупавших под свои стихи страницы в литературных журналах и победы в литературных конкурсах.

Все это было в конце XX века – начало свободы выражения после краха коммунистической идеологии. Гласность и свобода слова нагнали новую волну «гениев пера». Число поэтов и писателей вновь резко подскочило. А число читателей наоборот.

Многие начинающие тогда ошалели от того, что у них оказывается есть мозги и чувства, которые они тут же бросились выражать:

*«Я всегда найду себе покой,
Онемев над новой строкой»*

*«Чувства прорвались словно ручей,
полноводных лучей горячей...»*

*«Как странно мысль рождается моя:
вот только что её не знала я...»*

Многие поверили в новое, светлое, но уже капиталистическое будущее:

«Гуляя по траве мы бредили мечтой...»

*«Лечу во сне весенним ветром
Во взмахе весь воздушных крыл...»*

Естественный отбор тогда шел болезненно – печать не справлялась бумаги не хватало. Так было почти два десятилетия – вплоть до информационной победы Интернета.

Талантливые, мудрые а тем боле скромные люди, понимали бесполезность такой гонки и ее не очень нравственные нюансы. Не всем удастся реализовать свои способности и талант при такой массовости, ведь надо же идти по головам конкурентов. Не у каждого наглости хватает.

Вот, например, как Эльдар Рязанов осветил этот момент:

*В трамвай, что несется в бессмертье,
попасть нереально, поверьте.
Меж гениями – толкотня.
И места там нет для меня.
В трамвае, идущем в известность,
ругаются тоже, и тесно.
Нацелился было вскочить,
Да черт с ним – решил пропустить.*

Престижность звания поэта резко упала. Некоторые даже стали стесняться своего увлечения, хотя часто пишут лучше тех кто кричит на всех углах: – Я ПОЭТ!

Определение поэт более широкое, чем многие думают. Человек может быть поэтом в душе и не обязательно писать стихи. Поэт это скорее звание, не очень престижное и оплачиваемое, но это ДАР.

По этому вопросу спор до сих пор не утихает:

Поэтами не рождаются ими становятся!

Эта известная поговорка устраивает отнюдь не всех:

Зачем трудиться когда достаточно родиться.

При этом ссылаются на высказывания известных литераторов:

*Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил.
Брюсов В. Я.*

Решил тоже в этом вопросе разобраться, проанализировав свое проживание в амплуа начинающего поэта. Пришлось вспомнить когда я начал в настоящие поэты записываться...

Из личного опыта

Первая часть жизненного отрезка как автора у меня была пройдена в звании дворового поэта.

Помню как тогда я ловил взгляды в которых читалось некое пренебрежение и даже сочувствие:

«не от мира сего...»

«Что с него взять? – он же поэт...»

В начале творческого пути большинство поэтов прошли стадию самоутверждения. Хотелось подтвердить свою исключительность и врожденный талант. Не всегда это проходило удачно – часто можно было нарваться на неприятности.

Вот и у меня была знаковая встреча с серьезным «литературным критиком» в пригородной электричке. Позже эта встреча всплыла в моих «лирических» воспоминаниях:

*Читал стихи я раньше всем подряд,
Тогда, когда я их еще писать учился.
В ответ, то снисходительный мне взгляд,
А то советы, чтобы подлечился.
На людях графоманство проверял, —
Ну, наивняк же был, ни сном ни духом,
Пока мужик мне в электричке не сказал,
Дыхнув несвежим перегаром в ухо:
– Фонтаны отключаются зимой,
Поэтому меня послушай, милый,
Зима настала, слышишь, дорогой? —
Поэтому заткнись, не фонтанируй!
Та фраза так застряла в голове,
Хотя поэтом и нормальным уж считаюсь,
И вроде бы и лето на дворе,
Но очень редко я теперь включаюсь.*

Переосмыслил. Понял, что все ранее сотворенное в лучшем случае надо сжечь, в худшем сдать в макулатуру или наоборот.

Успокаивало то, что не мне одному такое перепадало на начальном этапе. Критики они не только озлобляют но подзадоривают, заставляют работать над собой а иногда и вдохновляют.

Многоликий и неподражаемый...

Из жизни классиков

Пушкин не сразу стал классиком. В школе его первые стихи не афишируют. Он часто расставлял ударения невпопад, щеголял знанием французского языка и греческой мифологии. Это постоянно раздражало и злило его первых слушателей – друзей и учителей юного поэта.

Осталась их запись о характере 12 летнего лицеиста:

«Мало постоянства и твердости в его нраве, словоохотен, остроумен, заметно в нем и добродушие, но вспыльчив с гневом, легкомыслен».

Его дразнили, он обижался, дерзил, писал эпиграммы, причем такие от которых учителя литературы могли упасть в обморок. Он явно обгонял в развитии сверстников – владел несколькими языками в том числе и «народными диалектами». Лицеисты вспоминали о юном Пушкине:

*А наш француз
Свой хвалит вкус
И матершину порет...*

(1813 – 1815гг.)

Пушкин был заводилой и хулиганом. Это оставило заметный след в раннем творчестве. Позже он об этом вспоминал:

*...Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоляной
Сен Пере бутылке длинной...*

Вслед за вином дерзкий юноша познавался мир и другими утехами. Появились интимные темы о которых Пушкин писал так же страстно и красочно:

*Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змей,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий.*

В юные годы запретный плод... был стимулом к познанию мира!

Раз нельзя – значит там что-то неведомое и удивительное.

Девушки млели читая такие стихи и мечтали о таких мгновеньях... Эротическая поэзия была ключом к женским сердцам. Стихи молодого ловеласа переписывали в альбомы, заучивали наизусть.

P.S. Позже, занимаясь литературоведением, заметил сходство начальных этапов у людей склонных к творчеству.

Если обратиться к статистике, то в общей массе

их от 3 до 5% и потому, как правило, они становятся белыми воронами в серой стае. Хотя в юные годы стремящихся к вершинам значительно больше. Сказки с хорошими концами пробуждают мечты о счастливом будущем – его принесут на блюдечке.

Фальстарт

В юности впечатлений и переживаний у всех было предостаточно.
А сколько было страсти и любви!
Но в противовес эмоциям у юных поэтов ощущался дефицит опыта и разума тоже. Для любимой в омут с головой? – запросто!

Помню, на наивно-возвышенный вопрос моей девушки:

– А ты можешь написать мне стихотворение? —

тут же тветил:

– Конечно! Нет проблем!

Да и правда, не звезду же она с неба просила достать, а десяток строк зарифмовать. Но нехитрое, как мне казалось, дело оказалось не таким уж простым.

Свое первое в жизни посвящение, я писал четыре часа. И хотя в нем просматривается подражание классикам, мне за него и сейчас особо не стыдно:

*Так почему же я, не писчая душа,
Взял в руки то перо и ту бумагу?
Быть может показать свою отвагу?..
Да, – это ведь отвага для меня,
Тем более, что я пишу о той,
Кого бы смог назвать своей мечтой...*

*Но я не назову, и потому лишь,
Давным-давно уже как девушке одной,
Сказал в влюбленный юноша хмурясь,
Всю жизнь готов идти за той мечтой!*

*Но кто же ты?
Злой или добрый гений?
Неписанный закон не давший обойти,
Что о любви напишет каждый смертный,
Влюбившийся до двадцати.
И я пишу...*

Получив от дамы сердца комплимент с недоверием что это написал я, продолжил. Однако вскоре остыл к этой писанине и долго не вспоминал об этом увлечении. А самые первые творения уничтожил.

Так я в 20 лет и сошел с дистанции. Получилось, это спонтанно и без особых раздумий. Возможно даже очень вовремя – вполне мог стать заштатным стихоплетом.

Но впоследствии об уничтоженных стихах пожалел и в дальнейшем всех предостерегал от таких шагов.

Они пригодились бы мне для переосмысления и анализа поэтического роста. И потом, не было жизненного опыта, не было мастерства, но чувства-то были... те, что уже не вернешь...

В дальнейшем вся моя любовная лирика имела ностальгический налет осмысленности, хотя и чувства из далекого прошлого еще проскальзывали:

*Заумные слова слетают с твоих губ
Непринужденно и интеллигентно,
В сравнении с тобой, конечно же, я груб,
Хотя когда молчу – не так заметно.
Ты высоко берешь, в том не моя вина,
Мне за тобой, конечно, не угнаться;
Что нам не по пути, ты видишь и сама
И говоришь, что надо нам расстаться.
Слова ушли в песок, вернее, в сеновал,
Ты поняла, что все слова впустую,
Для нас тот сеновал был словно бы вокзал,
Где встреч и расставаний поцелуи.
Где ты теперь?*

*Где я?
Судьба нас развела,
Друг друга мы давно уж потеряли,
И только утонувшие слова
Остались в том далеком сеновале.*

С появлением житейских забот у людей нарастает дефицит времени. Происходит естественный «отсев» пишущих от безделья. Другие, столкнувшись с непониманием окружающих тоже сходит с дистанции. В юные годы повышенной амбициозности особенно тяжело переносятся обиды.

Возвращаются единицы. В основном те в которых божий дар все же не смешивается с яичницей или омлетом жизни. Я тоже чуть было не смешал.

Позже понял, что мир огромен и воспринимать его можно по не обязательно через любовные порывы. Для этого надо было стать в какой-то мере циником:

*Твоей руки, похоже, не добыюсь,
Ведь птица ты высокого полёта...
Когда поймашь богача и идиота,
В твои любовники, пожалуй, запишусь.*

В творчестве многое зависит от настроения и стечения обстоятельств. А еще постоянной готовности самого автора поймать самый нужный момент порыв **Вдохновения**. Лишь только с ним появляется неповторимый и образный взгляд на окружающий мир.

У каждого времени есть свои особенности подвигающие к творчеству. Неизменными и проверенными остаются **любовь, вера и надежда**. Чуть позже приходит **мудрость** – все они стимулируют творческий подъем.

В каждый жизненный момент этот коктейль неповторим. И так до тех пор, пока их возможности не сходят на нет. Все когда-то заканчивается.

Поняв, что пик поэтического творчества у меня остался позади, мелькнула мысль сотворить вот такой справочник:

*«Как поймать **Вдохновение**».*

Хотя тема эта сугубо личная, но общие моменты и приемы по его поиску и отлову есть.

То что вижу...

Каждый человек имеет свой взгляд на мир, на все то, что его окружает. И если его взгляд даже близок к истине и правдив, то пересказанный от одного человека другому происходят метаморфозы. Это хорошо отметил Максим Горький:

Слова имеют коварное свойство – исказить мысль

То, что истинные истории со временем становятся сказками знают все. Неудивительно, что через десятки поколений они были записаны в искаженном виде.

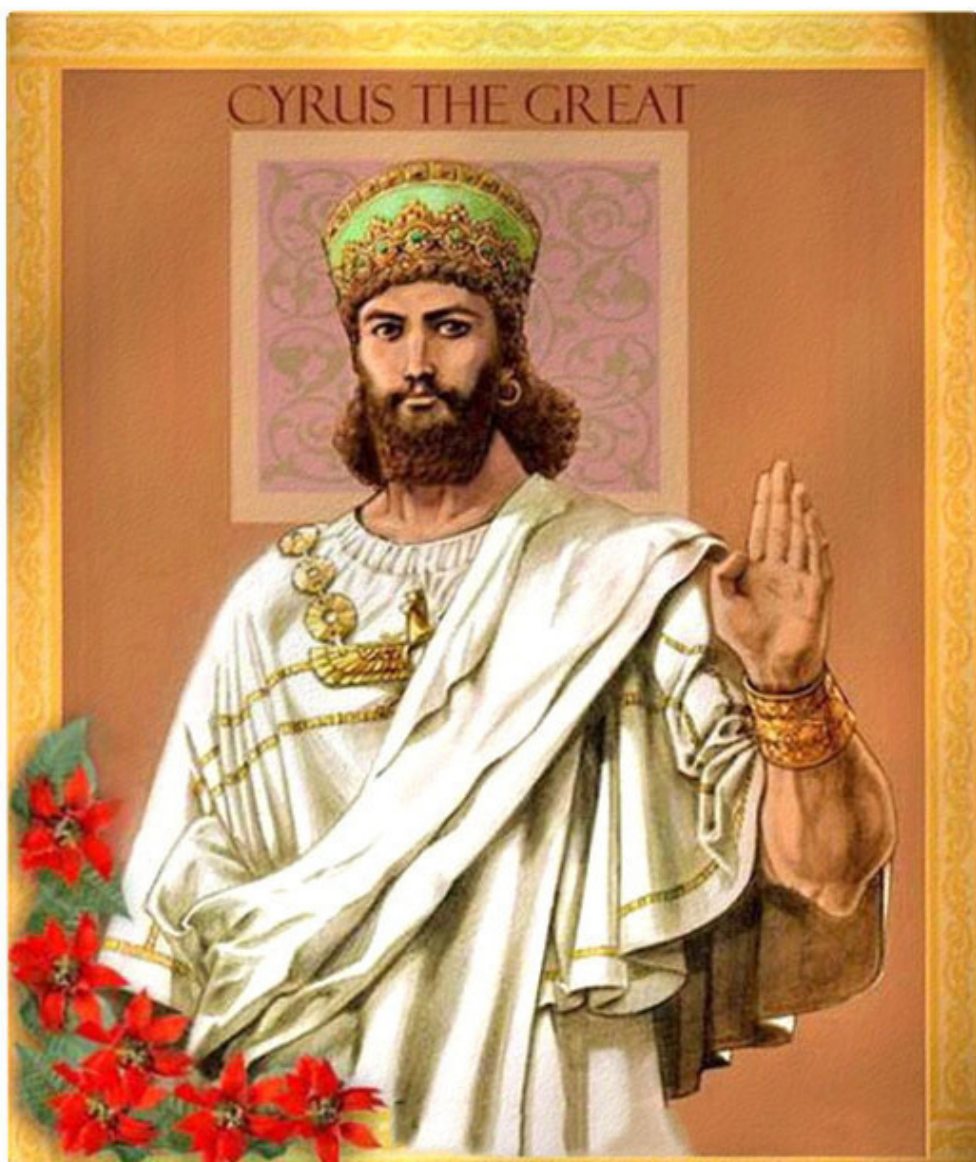
Из истории литературы

Предания старины превращались в красочные легенды и мифы, волшебные сказки и небылицы. Со временем к ним добавлялись нужные идиомы. Например, из сотен упоминаний и преданий о Всемирном Потопе, была принята легенда о ковчеге Ноя. А так как Ной был царем и потомком Адама в 10 поколении, то первородство сохранили только евреи. Остальные сгинули в пучине. А остальные или неизвестно откуда взявшиеся дикари и аборигены, возможно, потомки от обезьян. что доказал Дарвин. Так можно легко и до абсурда дойти.

Эту попытку перетащить "одеяло на себя" заметил Иисус, читая Тору. Он по иному понимал мир и обличал фарисеев в неправильном толковании истории.

Иисус считал, что все народы равнозначны, и каждый человек, независимо – царь он или раб имеет дар полученный от Бога – душу и он был настоящим ПОЭТОМ.

Такие проповеди иудеи считали крамолой, ересью и потому старались стереть след мессии на земле. Не исключено, что его записи уничтожались. Гонители не понимали, что тем самым пробуждают еще больший интерес к его личности делая его фантомным мифом – сверхчеловеком – пришельцем из ниоткуда. Ведь откуда он пришел в Иудею – тайна покрытая мраком.

Заратустра – сочинитель первых гимнов

Жившие задолго до него пророк Заратустра начавший проповедовать как и Иисус в 30 лет, и певец Орфей, ставший проповедником примерно в том же возрасте, сочиняли гимны богам и природе. Но их поэтический слог все же сохранился.

В своих гимнах Заратустра вопрошал своего бога Ахуру Мазду:

*«Что из Святого Слова
И самое могучее,
И самое победное,
И наивыгодное,
Что действительней всего?»*

И тот ему ответил:

это имя мое, которое включает все что есть лучшего на земле.

Позже этот постулат вошел и в Библию:

«Сначала было Слово».

Кто был первым автором – этого постулата неизвестно, да и не столь суть важно. И вообще это внутренние дела пророков и проповедников древности. Они до сих пор спорят кто у кого что украл. Индийские «Веды» и иранская «Авеста» считаются древнейшими книгами на Земле и в Ведах можно найти прототип души – Аватар (Божий дар). Слово осталось в нашем языке в чуть сокращенном виде – АВТОР.

Тем временем народная поэзия развивалась параллельно аристократической в виде припевок в танцах и обрядах колдунов и шаманов.

Известно, что песни появились раньше стихов.

Транспорт в древние времена был тихоходным – ослы, верблюды, волю. И потому на утомительно долгом пути люди просто бубнили о том, что видят:

*Вон стоит один баран,
А за ним еще один,
На осле я проезжаю
Следом друг мой Алладин.*

Такие «удачные рассказы» хорошо запоминались и обрастали подробностями – куда ехали, зачем и чего везли. Так эти дорожные напевки и превращались в былины и баллады.

Но не у всех хватало памяти чтобы их запомнить и исполнить. Чаще запоминали самые удачные куски, которые и стали самостоятельной формой творчества. Позже философы и поэты оценили краткость изложения и заложенный смысл. Так появился подтекст который и стал отличительной чертой стихов от песенных текстов. Песни же не любят смыслового перегруза. Они так и остались развлечением в дороге или ритмичным сопровождением танцев, как когда-то плясок у костра.

Нынешние доморощенные поэты просто лениво смотрят в окно под бормотанье телевизора и наставления жен, и занимаются словоблудием.

Рифмы **любовь – кровь, грезы – слезы** и подобные у них изобилуют. Примерно так как у одного моего знакомого «поэта»:

*Сижу, вдруг обуюли грёзы,
И я с волнением пишу,
Душа трепещет, душат слёзы,
Я рукавом их всё сушу.*

*От нежной веточки мимозы
Я вдохновения вкушу,
Не выношу житейской прозы —
Её поэзией глушу.*

*Из спальни слышатся угрозы —
Жену на дух не выношу!*

*Меня влекут природы поэты,
О них я в основном пишу.*

Он часто покупал открытки и каллиграфическим почерком заносил на них свои шедевры. Эта открытка была с веточкой мимозы. А другой знакомый мне «кадр» совмещал свои наблюдения за природой и пышными соседками с заглядыванием в чужие шедевры. Помните у Есенина:

Твои руки – пара лебедей...

Так он пошел дальше, вернее ближе к телу:

*Твои груди – пара лебедей,
Я не первый их ласкаю из людей!*

Вот так, где-то визуально, а где-то на ощупь доморощенные творцы ловили свое *вдохновения* с маленькой буквы. Оно приходило и к ним, но не прорастало в шедевры – почва была не та. Их страстные чувства вызывали сочувственную улыбку у редакторов:

*«Восьмеркой губ подкрашенных
Проштампуй-ка свой день на мне...»*

«Нет подруг при встречах нелюбимых...»

*«Нет печалиться нам причины,
Раздеваю, такое дело...»*

Эту волну авторов нахлынувших в последнее десятилетие XX века редакторы газет и журналов называли «*поэтами от сохи*». Позже их творчество вошло в раздел моей книги под этим названием.

Из личного опыта

Личные впечатления более интересны и значимы, если в них находят место и общественные. Даже если это общество состоит из нескольких человек. Они их обязательно оценят, как это было однажды в моей практике.

Как-то увидел свой стих на сайте профессиональных художников. Сразу вспомнил как его творил.

Студенческие грезы

В молодые годы не раз общался со студентами местного художественного училища – худющие! Они-то со мной и поделились, что самое сложное для них это рисовать продукты питания.

Однажды увидел этот питательный натюрморт, слюнки сглотнул, и написал:

*На стене висит картина
Неизвестного творца.
А на ней кусок свинины,
Зелень, хлеб и два яйца.*

*Вот таким мазком азартным,
Через добрых сотню лет,
Перенесся в наше завтра
Чей-то ужин, иль обед.*

*С рамы лак давно слезает,
Фон подтеками пестрит,
И уже не возбуждает
Натюрморта тусклый вид.*

*Может автор зря постился,
Чтоб натуру передать?*

*Но чего-то он стремился
Нам, потомкам подсказать.*

*Что «не хлебом лишь единым»
Не приемлет постулат,
Явно видно по картине —
Автор был обеду рад.*

*Все меняется: погода,
Чувство, нравственность и быт,
И политика и мода,
Только лишь не аппетит.*

*И вот так неумолимо
Мысль довел он до конца...
На стене висит картина
Неизвестного творца..*

Сразу, конечно, такое широкое полотно не создашь – переварить надо. А вот поймать идею или пару забойных строк – это элементарно.

Сам я тоже этим приемом пользовался – увидел, «сфотографировал» в памяти и прихватил первые строчки, что на ум пришли. А дальше воображение по воспоминанию зацепившего момента.

Главное – воображение

Однажды проходил по пригородной платформе. В конце перрона одиноко маячила фигура молоденькой девушки. Видимо опоздала на только что ушедшую электричку. Подойдя ближе, я увидел оригинальную картинку:

стоит стройная симпатяшка а у ее ног пустая бутылка из под водки в наборе с консервной банкой. В ее темном рассоле «плавали» несколько килек. Девушка к банке, как и банка к девушке, никакого отношения не имели, – но какова картина!

она меня никак не могла оставить равнодушным.

ДЕВУШКА С БАНОЧКОЙ КИЛЬКИ СТОЯЛА – зафиксировалась в голове не совсем «стройная» по лексике строчка. Придя домой, я тут же продолжил не меняя:

*Девушка с баночкой кильки стояла,
Стройная милая очень особа,
Банка у ног её скромно лежала,
Кем-то открытая – явно на пробу.
Четко уложены, плотно, рядками,
Листик лавровый, накинув как шубку,
Кильки, застывшими малость глазами,
Девушке нагло смотрели под юбку!*

Картина продолжала стоять в моих глазах, и я уже хотел добавить, что и сам бы не прочь оказаться на месте той кильки или что-то подобное, однако вовремя остановился.

А зачем?

Картина завершена, а все последующие рассуждения могут лишь ухудшить ее. Пусть каждый дорисовывает и раскрашивает ее на свой вкус. Да и вообще всякие добавки-штришки к уже достаточно завершенному произведению – это болезнь начинающих авторов.

Вроде бы все сказано и тут добавка всплывает которая не усиливает, а наоборот смазывает впечатление.

Мое правило:

Чтобы стать поэтом, надо научиться ради единства замысла жертвовать несколькими удачными строчками.

Чувства извне

Будучи материалистом, в тонкие материи я особо не верил. Может потому с музой Эрато у меня отношения не сложились. Несколько любовных стишков и все.

Брошен был моими музами как несерьезный претендент на спутника жизни. Все шуточками отделивался, посвящая музам короткие комплименты:

*Нет! Не забыть мне изумительные строчки!
На ляжках у твоей ночной сорочки.*

— — —
*Не раз, не два с тобою было мне приятно,
Занятно, – что это было все бесплатно!*

А потом жизнь закрутила своей неустроенностью, переездами, службой в Советской Армии. Череду встреч с уникальными людьми – диссидентами и и сотрудниками спецслужб, бомжами и дворянами отвлекли от любовных дел.

Вернувшись к творчеству лет через пятнадцать в качестве поэта-юмориста пересмотрел свое отношение к мифическим персонажам, в том числе и к Музе, чуть повзрослевшей жеманной даме. Почитал своих соратников.

Валерий Пивоваров самокритично отмежевался от ее настойчивых приставаний:

Напрасно Муза дивный слог пыталась вставить...

Вчера меня посетила Муза и ей пришлось вызывать Скорую...

Ко мне тоже одно время приставала. А тут еще, помню, комары и мухи замучили. Вот и родилось непонятно что:

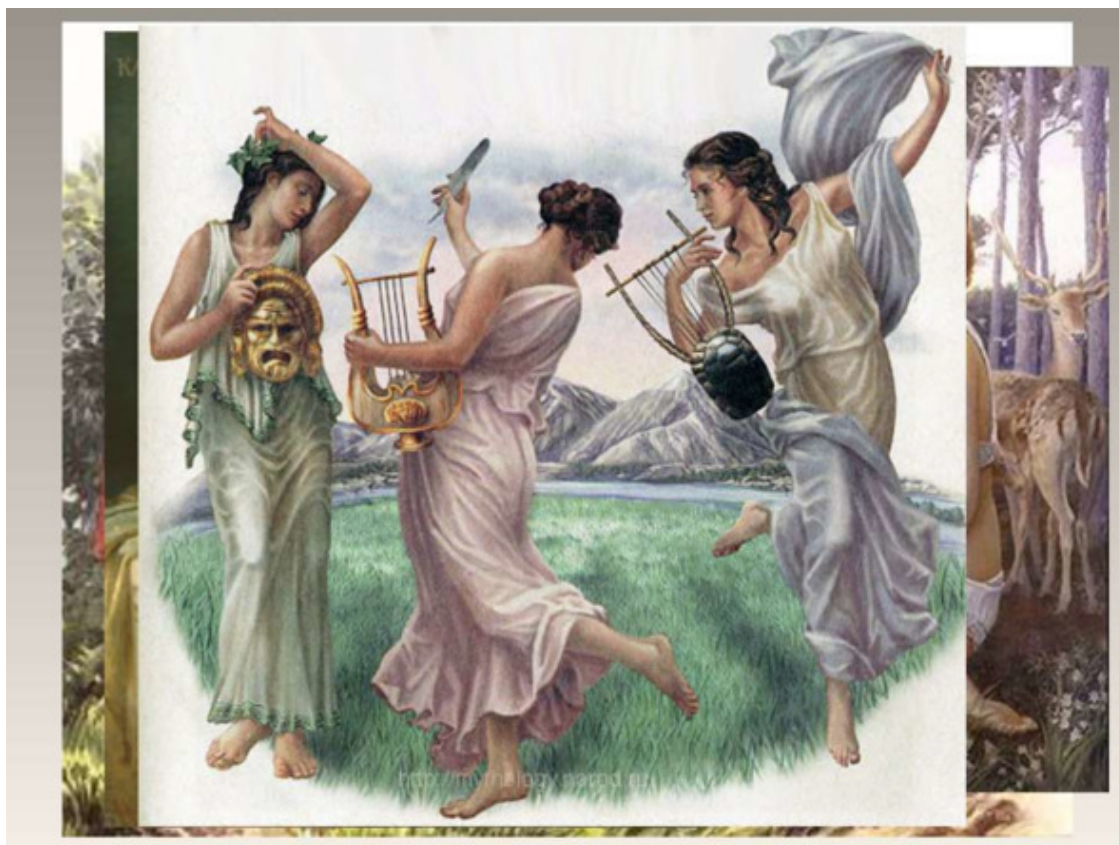
*Меня раз муха укусила,
Ну а затем еще комар.
Потом вдруг муза посетила,
Но от нее какой навар?
От мухи запах неприятный,
От комара на коже след,
Короче, есть навар бесплатный,
От музыки ничего же нет.
Ее не тронуть, не пощупать,
Обнять нельзя и ощутить,
Бывает, ляпнешь ей вдруг глупость —
Она перестаёт любить.
Ещё и фыркнет, отвернется,
И может даже убежать.
Догнать?*

*Вернуть?
Да перебьется.
Ведь завтра прилетит опять!*

Редко кому из поэтической братии доставались Музы, на которых возраст не сказывался.

Личное мнение:

Как мужики к сорока начинают бегать на сторону, так и юные музы покидают сорокалетних.

Музы привлекают и будоражат – это их обязанность

У меня и после Эрато постоянной музы не было. К тем самым сорока, тоже стал отличаться непостоянством.

Если остаться в мифической теме, то я пытался «закадрить» Муз посерьезней:

Этерну – лирическая поэзия;

Талию – комедия;

Клио – история.

Даже пытался флиртануть с *Полигимнией* – песни и гимны. Но выбрать одну так и не удалось. Думаю, из-за любознательности и жадности – хотелось всего и сразу.

Вначале, «набивая руку», я как многие начинающие вступил на испытанную веками стезю: что вижу – то пою. При такой творческой постановке присутствие Музы не обязательно. К тому же Муза – это все же дама, и не во все уголки и закутки ее можно брать с собой:

*Там в тишине, за дверью туалета,
Где ведра, швабры, трубы, вентиля,
И где журчит прохладная струя,*

*Конечно же, не место для поэта.
Но в глубине, под крышечкой унитаза,
Куда бежит хрустальный водопад,
Две звездочки далекие блестят...
Ах да, конечно, – это же мои два глаза!*

Главное в этом изысканно-изыщном оформлении – правда жизни. А музам нужна приятная лесть. И вообще – о чем с ними говорить?

Взял Александра Сергеевича томик открыл. Нашел где он предупреждает свою подружку:

*Веленью Божью, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.*

Из личного опыта

На самом деле как в сатире так и в юморе как-то обходился без них. Вдохновляла игра слов работавших на поднятие, если не духа, то настроения слушателей.

Сначала признали в низах – во дворах, в пивных и закусовых, в компании друзей. Там оценили мой незамысловатый юмор:

Расставание
*Исчезают: водка, пицца,
Расплываются все лица,
Рот немного с перекосом,
Ты уже в тарелке носом
Изучаешь винегрет.
Мы пошли, – тебе привет!*

На работе тоже оценили мою сатиру и иронию к роли наших новоявленных политиков:

Развилка
*Пойдешь налево, – флаг нести заставят,
Пойдешь направо – там обокрадут,
И только прямо – к ордену представят,
Представят точно! – Только не дадут.*

Неудачные поиски

Постепенно стали вырисовываться первые достойные, как я считал, произведения. Хотя с высоты прожитых лет они отдают наивностью:

*Я прадедов не знаю имена,
а им, возможно, это неприятно.
И кроме этого еще есть пятна —
не только лишь от кофе и вина.*

*Испачкан весь, и малость даже морда,
хотя живу, и чту всегда закон,
не бабник и не пью одеколон,
не очень жадный и не очень гордый.*

*Но сероват. Лишь лацканы блестят.
Ничто не радует, не греет, нету лоска.
А мысли, – мысли тоже как обноски —
по мелочам пестрят, пестрят, пестрят.*

*Я чувствую весь в пятнах непомерно —
пытаюсь счистить что-то, и отмывать.
А может плюнуть, да и с ними жить?
Чего я мучаюсь? –*

Дурак наверно...

Но когда пошел стучатся в литературные издания, наткнулся на сплоченные ряды конкурентов и литераторов старой закваски. Не подпустили даже близко. Только потом понял почему. Индивидуальность, смелость и критика признанных кумиров никогда не приветствовались.

Зато быстро понял, что для творческих союзов и литературных объединений никак не подхожу – не стадный.

Ближе к сорока люди становятся прагматиками и даже скептиками. Именно в этом возрасте я вернулся к творчеству, став в годы реформ безработным. Мечты остались в прошлом. Пришли совсем другие чувства с отрицательной оценкой происходящего.

Тогда я еще считал, что отсутствие *Вдохновения*, на которое жаловались поэты – это прикрытие неумелости. Если ты знаешь, что хочешь сказать, умеешь правильно расставлять слова и знаки препинания, то чего уже проще.

Исследователи творчества Омара Хайяма утверждают, что этот выдающийся математик и астроном писал рубаи, складывая их, как кирпичики, из подходящих слов. Я тоже провел поэтический эксперимент и попробовал написать свежо и интересно о самом заурядном действе в ванной комнате.

Вот что из этого получилось:

*Как мягко бьет струя из душа,
Чуть разгоняя кровь мою,
И греет тело, греет душу,
Я на макушку воду лью!*

*Шампуня мне на все хватило,
Мочалка тихо шелестит,
Ах, мило, до чего же мило
Под нею кожа скрипит!*

На пену я смотрю глазами —

*И вправду, чем еще смотреть?
И шевелю в воде ногами,
Приятно – просто обалдеть!*

*Потом мохнатым полотенцем
Я, начиная с головы,
Тру шею, грудь в районе сердца,
Потом аппендицита швы.*

*Вопрос возник под вашей бровью,
Читая эту всю фигню? —
Что чистота – залог здоровья!
Я только к этому клоню.*

Оказалось, что наработывая поэтические навыки, я подготавливал почву для своих последующих встреч с **Вдохновением**.

А тогда во времена реформ и перестройки я похоже зачерствел... От постоянных перемен в жизни – инфляция, дефолт, смена должностей от сторожа до директора. В то время было одно спасение – забор, стена или хотя бы скорлупа. Но был и другой способ – чисто русский:

*Я жизнь решил через себя всю пропускать,
Через себя теперь её фильтрую,
Но вот пропустишь дрянь, за ней другую,
И снова фильтры надо спиртом промывать.*

И вот после такой промывки мозгов вдруг Музы стали появляться. Иногда такие встречи бывали даже неожиданными:

*Бармен не тот смешал коктейль...
Всё в голове перемешалось:
Упругость губ, духи «Шанель»,
И снизу поджимает малость,
И хевви-метл, и два по сто,
На фильтре яркая помада.
Вопрос глупейший: – А ты кто?
Она мне: – Я твоя баллада,
Твоя поэма, твой сонет,
Я муза легкого веселья.
– Ты насовсем?
– Конечно, нет, я ухожу,
Подруге передай привет.
– А как зовут? – Она в ответ:
– Да тоже Муза,
Только тяжкого похмелья...*

Муза легкого веселья

Такие случайные связи имели тяжелые последствия. Все эти прилеты и улеты и их надо было оптимизировать, систематизировать... Короче, **Вдохновение** надо было «застроить».

Постепенно отношение к стихам стало меняться.

С концепцией создания стихов по подобию собирания детского конструктора я не соглашался. В малых формах это в принципе возможно, например, поймать отдельного журавля, механически балагурия-каламбуря:

*Нет, не забыть мне изумительные строчки,
На ляжках у твоей ночной сорочки!*

Так что же делать ждать **Вдохновения** или искать?

А может почерпнуть опыт из чужих попыток поймать силки на Жар-птицу?

Но для начала надо заякориться, собраться с мыслями и оглядеться. Может пока до максимума освоить прием – то что вижу? Ведь даже предметы имеют свою индивидуальность. Начал со своей однокомнатной:

*Характер, знаю, есть у всех предметов —
Предметов тех, которые люблю.
Вот зеркало моё – оно с приветом,
С приветом тем, что сам себе я шлю.*

Прошел в комнату, потом на кухню. **Вдохновения** нигде не видно. Вернулся к зеркалу и поймал главную строчку – последнюю.

*Светильник мой, хоть старьёй и немодный,
Но создает интим, а с ним – уют.
А вот стакан – ну до того он подлый,
Пока в него чего-то не нальют!
Вот пепельница, из неё окурки
Торчат, как будто чёртика рога.
Ведь те, кто курят, – это полудурки,
Как я, но и она мне дорога.
Предметы все, что в жизни окружают,
Мне тем близки, что существуют наяву,
Лишь только отраженье раздражает —
Я всё же с ним по-разному живу.*

Мое правило:

В любом произведении самыми значимыми должны быть первая и последняя строчки.

Азы творчества

Вдохновение... Оно придет, просто надо быть к этому готовым. Решил проследить путь с самого начала: что я в багаже скопил поначалу?

Заимел грамотность на уровне средних классов школы. Три первые буквы нашего алфавита **Аз, Буки, Веди** в старорусском языке означало. – *я буквы знаю*. Это как у всех поэтов и писателей.

А вот дальше духовное накопление у гениальных творцов шло спонтанно – без какой либо цели. У каждого поэта есть фундамент из способностей и навыков полученных в детские и юношеские годы. Покопался в своем детстве и юности где все осваивал сам совершенно бездумно.

Или кто-то вел?..

В 70-80-х найти советы начинающим творцам было очень сложно. Тем более семья у меня была рабоче-крестьянская. Лишь иногда на застольях песни пели и басни рассказывали.

Фундаментом стало народное творчество скверов, кухонь и подворотен. Там рассказывали анекдоты про армянское радио и Чапаева. Дворовые стишки собирал и тайком записывал. Например, сериалы о маленьком мальчике. Впитывал необычный и оригинальный юмор, типа:

*Маленький мальчик доллар нашел
Спрятал в карман и в «Березку» пошел.
Долго отец ходил в комитет,
Деньги вернули, а мальчика – нет.*

«Березка» – сеть магазинов в СССР торгующих на валюту. А комитетом нас пугали на каждом углу. И хотя в «Березку я ни разу не заходил, в комитете на Лубянке приходилось.

В школе собирал переделки под классиков.

*Над седой равниной моря,
Над расщелинами скал —
Гордо реял буревестник
И метал на скалы кал*

Попадалась и доморощенная эротика (этого слова мы тогда не знали). Подделки под Есенина и Маяковского приводить не буду. Если скромненько, то это было примерно так:

*Зачем любить? Зачем страдать?
Ведь все пути ведут в кровать...
Так может проще, вашу мать
В кровати все и начинать?*

Позже все же узнал, что для уровня добротного стихоплета достаточно знать три основных вида рифмовки:

1. **парная рифма** – первая строка рифмуется со второй, третья с четвертой и так далее. Попробовал все.

В качестве примера:

*Гулял однажды в своей округе,
Решил зайти я к одной подруге,
Вошел в квартиру – там как на свалке,
И муж три года как на рыбалке.*

2. **перекрестная рифма** – первая строка рифмуется с третьей, а вторая с четвертой. При этом стихи, имеют четкое подразделение на четверостишия:

*Сирены милицейские орут,
И слышен топот мчащихся студентов,
Вы спросите: – А от чего они бегут?
А я скажу: – Бегут от алиментов.*

3. **опоясывающая рифма** – первая строчка рифмуется с четвертой, а третья со второй. Она обычно придает стиху мелодичность и грустинку:

*Идут года, и время прибавляет
И убавляет то, что накопилось,
Вот к животу чего-то прилепилось,
А с головы, наоборот, все облетает.*

Я был не одинок к самообучению...

Нашему народу последняя рифма не очень нравилась – дворянская. Народ был воспитан на лозунгах и призывах в одной или двух строках:

Ночь – работе не помеха!

*На работу – с радостью,
а с работы – с гордостью!*

Я еще застал коммунальные кухни, где всегда теснились соседи, роились запахи керосина и ароматы еды. Надписи «Выключай свет» и «Вытирай ноги» на стенах были рядовым явлением.

Примеры плакатного призыва в стихах есть в одном из рассказов ленинградского писателя Вадима Шефнера.

Его молодой герой лет двенадцати от роду, пришел в гости к поэту-самоучке в одну из городских коммуналок и был потрясен увиденным: повсюду на видных местах были вывешены своеобразные плакаты-памятки. На входной двери всех встречало приветствие:

*Мы гостям хорошим рады,
Смело в дом входите!
Вытирайте ноги, гады,
Чистоту блюдите!*

В огромной грязноватой кухне с закопченным потолком красовались еще два «шедевра», один над столом с керогазами и примусами:

*Людям портит аппетит
Гарь от керосина,
Если примус твой коптит —
Значит, ты скотина!*

А над мусорными ведрами:

*Кто помойного ведра
В срок свой не выносит,
У того в башке мура,
Морда палки просит!*

Из личного опыта

Взял такой залихватский и нагловатый стиль на вооружение. Понял, что в нашей стране такое народом воспринимается на УРА – не зря – это наша культура И физкультУРА одновременно.

И случай это проверить мне вскоре представился.

Меня молодого инженера завод послал в совхоз, на уборку сена. Кроме нас, ударным трудом селу помогали неблагополучные подростки. Они жили в соседнем бараке. Узнав, что я балуюсь стихами, ко мне обратилась их вожатая – приятная блондинистая особа, с просьбой помочь. Отказать ей было очень трудно. Суть вопроса была такова: по вечерам ее подопечные

беспрестанно курили. Дышать в комнатах было нечем, везде валялись окурки. Нужен был плакат, призывающий прекратить такое безобразие. Предложил такой вариант:

*У кого окурков стол,
Дым табачный тучей —
Тот, конечно же, козел,
Да притом вонючий!*

Странно, но это подействовало – те, кто не совсем разучился читать, курить стали меньше.

Юмор и ирония стали первыми жанрами, которые были мной освоены непринужденно. Еще студентом написал стишок:

*Сидим вдвоем – смотрю грустит,
И я почему то грущу.
Я думал наверно, что он угостит,
А он, что я угощу...*

Хотя и в этой кутерьме 90-х процесс осмысления происходящих процессов шел хаотично, именно тогда на волне юмора был сделан первый шаг к философской лирике:

*Это просто конечно,
раз есть усилитель
То он должен хоть что-нибудь да усиливать,
И естественно думать,
раз есть выпрямитель,
То и он должен чего-нибудь да выпрямлять.
И в цепочке такой не бывает изъянов,
Мужичок мне один это смог доказать,
Он изрёк эту истину, хоть был и пьяный:
– Для того и вино, чтоб его потреблять!*

Мир был еще полон неизведанного. Это стимулировало и к жизни и к творчеству. Появилась средняя ступень: увидел —

осмыслил – записал.

И сразу понял что статика малопродуктивна и однообразна. Про цветочки, листочки и облачка классики давно все написали. Основными вдохновителями для меня стали соседи, сослуживцы, начальники и конечно женщины.

И тут произошел переворот в сознании:

– Хватит ходить в дилетантах!

Я же полный неуч!

Соревнование

«Зависть – сестра соревнования, следственно из хорошего роду».

А. С. Пушкин

Никаких лекций и семинаров по творческому совершенствованию я не посещал и все последующие азы творчества проходил индивидуально. П олежал на диване, подумал и установил свои принципы стихотворчества:

Слово – желательна максимальный выбор,

Фраза – должна быть абсолютно емкой,

Строчка – должна иметь изящность, красоту и певучесть.

Рифма – должна быть оригинальной и не затасканной.

А еще должен быть *соревновательный стимул* – это нормальный вид конфронтации с предшественниками в виде погони за ними. Начальным и подготовительным этапом становится одновременно подражание и учеба.

Началось это у меня спонтанно.

В период своей безработицы находясь в семейной «ссылке» – соц-работником у родителей жены и пугалом при огороде, вспомнил свою юную забаву. Решил взбодриться и поработать на всенародную память. Пусть вспоминают о хорошем человеке и поэте. С врожденной наглостью сразу решил начать писать стихи не хуже классиков.

Нет, амятником я становиться не собирался в отличии не менее наглых предшественников. Памятникам всегда сочувствовал – особенно в непогоду. А еще из-за повышенного голубинового внимания к ним. Скорее, это был любознательный процесс:

– Смогу ли?

Если нет – заброшу поэзию к чертовой матери!

Вхождение в образ

Попробовал и удивился. Вдруг оказалось, что писать в стиле великих не так и сложно. Рифмовать я уже давно умел – на тостах и поздравлениях натренировался. Просто надо срастись с классиками – прочесть их мысли и переживания.

Мне было интересно...

Взял и вошел в образ Александра Сергеевича и представил: а что бы он написал оказавшись на моем месте?

Например, глядя в окно тещино дома в этом глухом отшибе.

Почитал его стихи и воспоминания о нем современников, чтоб понять его порывы. Тем более жил в местах где он не раз бывал

Съездил в Пушкинские Горы, послушал рассказы потомков дворян и даже правнука одного из станционных смотрителей. Он рассказал как Пушкина и его ямщика наказали за загнанную лошадь. Образ и характер поэта мной уже был нарисован.

Он был бесшабашным весельчаком и легко разгонял тоску мягким словоблудием. Может вот так брэнность моего захолюстья возвысил:

*И глупая молва, и всяческая чушь
Немного оживляют нашу глушь...*

Интересно, а что бы он написал про себя – заядлого игрока, гуляку и бабника? Думаю, примерно так:

*Мне стыдно за себя...
Но каждый день стыдиться
надоедает —
в этом смог я убедиться.*

Читал его стихи и понимал, что его философия с тонкой иронией, мне очень близка по духу и нагелел и все больше.

А за окном была хорошая погода...

Ходил вокруг дома и думал: а что бы он написал вот про то, или про это? Например, про дураков бегающих стадами? Или про себя? – он же ведь еще и пророком был. Может так:

*Когда меня уж очень славят
И даже на руках несут,
Я чувствую: меня отравят
Иль по-другому как убьют!*

Это была своеобразная забава и одновременно тренировка. А когда я совсем слился с внутренним миром гения.

Ужу много позже, отголоском того веселого соревнования, стало мое чуть более скромное стихотворение про памятник:

*Воздвигну памятник,
в сторонку отойду*

*И посмотрю на рук своих творенье,
В нем радость, и печаль,
в нем мысль, и вдохновенье,
Я всех восславлю по заслугам и труду.*

*Я всех восславлю по заслугам и труду,
Всех тех, кто верил в жизнь и кто не верил,
Считал кто деньги, и кто их не мерил,
Кто счастлив был и кто лишь знал беду.*

*Кто счастлив был и кто лишь знал беду —
Две крайности, на них наш мир замешан;*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.